

Сто лет назад, в сентябре 1918 года Уфа временно стала столицей Российского государства, приняв у себя в здании Большой Сибирской гостиницы (ныне Дом офицеров) свыше 170 делегатов государственного совещания, представлявших 23 делегации, а также почетных гостей в лице представителей союзных держав. На этом совещании антисоветских сил было сформировано Временное Всероссийское правительство, вошедшее в историю как Уфимская директория.

Современникам и участникам совещания казалось, что в Уфе решается судьба всей России. И это вполне могло бы произойти. О том, почему это не случилось, размышляли участники

сборника «Уфимское государственное совещание», вышедшего в Уфе в 2018 году и составленного старшим научным сотрудником Академии ВЭГУ Геннадием Мордвинцевым.

Младший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН Вадим Журавлев, подробно рассмотрев в своей статье историю консолидации антибольшевистского движения на востоке России, пришёл к выводу о том, что истинными победителями на совещании оказались центристы, не располагавшие ни собственной военной силой, ни территорией, ни финансами. Благодаря своему политическому искусству им удалось возглавить объединение антибольшевистских режимов востока России, обрекая его в недалёкой перспективе на поражение.

В статье ученого секретаря Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН Александра Казанчиева особое внимание уделено основному спорному вопросу, возникшему между правым и левым флангами антибольшевистского лагеря, о роли Учредительного собрания и ответственности Директории.

О политике Временного Сибирского правительства и Комитета членов Учредительного собрания по отношению к мусульманским народам России размышляет в своей статье ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН (г. Москва) Салават Исаков. По его оценке, Временное Всероссийское правительство, созданное в Уфе, своими

**УФИМСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ**
(сентябрь 1918 года)

решениями в части самоуправления коренного населения оттолкнуло от себя мусульманские народы и привело к раздроблению антибольшевистских сил.

Участие народных социалистов в Уфимском государственном совещании посвящена статья Г. Мордвинцева. Они имели достаточно высокий для России уровень образования и вели себя честнее и благороднее большинства политических партий страны. Но, желая достижения целей мирными средствами, они не смогли повлиять на ход основных политических событий.

О позиции А.-З. Валидова и Башкирского правительства на Уфимском государственном совещании размышляет в своей статье ведущий научный сотрудник Центра социокультурного анализа Института стратегических исследований РБ Лариса Ямаева. Она осветила социально-экономическую и политическую части программы башкирских федералистов, направленные на обретение суверенитета и сохранение традиционного образа жизни башкир.

В статье профессора кафедры истории Оренбургского государственного университета Дмитрия Сафонова анализируется отношение оренбургских казаков к Уфимскому государственному совещанию. Автор высказывает мнение, что основной причиной разрыва оренбургских казаков с Директорией было, прежде всего, их разочарование в политике Комуча, в неспособности последнего решать насущные вопросы.

Информационно-пропагандистским учреждениям Уфимской директории и формированию ими идеологических установок посвящена статья историков Томского государственного университета Дмитрия Шевелева, Евгения Лукова и Кирилла Конева. По оценке томских историков, в итоге их

деятельности «сложился образ вялой, бездействующей власти, не обладающей ни авторитетом, ни общественной поддержкой, ни реальной военной силой».

Статья профессора кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург) Сергея Константинова посвящена армии Уфимской директории, составлявшей осенью 1918 года около 250 тысяч человек. По его мнению, проблемы внутри армии, связанные с неуставными взаимоотношениями офицерства и солдат, нехваткой продовольствия, снаряжения и боеприпасов, привели к её неудачам на фронтах.

Даже после расстрела царской семьи, покушения на Ленина и начавшегося красного и белого террора оставался последний шанс остановить братоубийственную бойню. Но, как и после Февральской революции, в стране не нашлось здравомыслящих сил, способных консолидировать разрываемое противоречиями общество. В результате лучшие погибли на полях гражданской войны, а уцелевшие либо ушли в эмиграцию, либо прожили тяжёлую и грубую жизнь в восстанавливаемой неимоверными усилиями после разрухи стране. Как утверждает известный российский политолог и социолог Сергей Кара-Мурза, форсированное промышленное развитие привело к переутомлению народа и убило значительную часть творчества масс и, прежде всего, «самоуправления трудящихся, в которых мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры. Из гражданской войны выросли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня».